

© 2011 г.

В.В. СОГРИН

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В издательстве “Наука” вышла пятая книга многотомного издания “Портреты историков. Время и судьбы”¹. Как и предшествующие тома, это капитальный труд, включающий десятки портретов представителей исторической профессии нашей страны. А всего же благодаря данному изданию, осуществляемому по инициативе и усилиями академика Г.Н. Севостьянова, в этой уникальной национальной галерее историков представлено уже 168 научных портретов. Трудно назвать другую национальную историографию, которая могла бы похвастать подобной научной галереей.

Ее отличительные черты – демократизм и репрезентативность. В ней представлены портреты высоких профессионалов, но вместе с тем ученых разного калибра, что, на мой взгляд, дает адекватное объективное представление об уровне отечественной исторической науки. В ней есть портреты ученых, добившихся самых высоких академических званий, но также портреты рядовых университетских профессоров (причем не только московских), получивших научное признание в своей отрасли исторического познания. В ней достойно и полно представлены разные исторические профессии, как и ученые, изучавшие все исторические эпохи от древности до наших дней.

В пятом томе размещены портреты медиевистов и специалистов по новой и новейшей истории. Рассмотрим в них. Историографические статьи и очерки об отечественных медиевистах можно, на мой взгляд, разделить на две группы. В первую попадут те, в которых полностью раскрыт научный вклад ученых, их оригинальные концептуальные нововведения, показано их собственное место в исторической науке. Во вторую группу включим те очерки и статьи, в которых оригинальный научный вклад рассмотренных историков предстает по преимуществу как накопление и обнародование новых для отечественной медиевистики фактов, так и освещение прежде не привлекавших ее внимания тем и вопросов.

В первой группе это в первую очередь портреты двух дореволюционных историков, П.Г. Виноградова (1854–1925) и В.И. Герье (1837–1919), а также выдающегося медиевиста советского периода, А.Я. Гуревича (1924–2006). Д.М. Петрушевский, автор статьи о П.Г. Виноградове², сумел убедительно показать, что этот историк был действительно медиевистом с мировым именем, классиком не только отечественной, но мировой исторической науки. В 1903 г. ему, в то время ведущему российскому специалисту по социальной истории средневековой Англии, было предложено занять кафедру в Оксфордском университете. Беспрецедентный для отечественной медиевистики случай, впервые засвидетельствовавший, что талантливый российский специалист по европейскому средневековью может добиться мирового признания.

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала “Общественные науки и современность”.

¹ Портреты историков. Время и судьбы. Т. 5. Средние века. Новая и новейшая история. Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Составитель В.Я. Головин. М., 2010, 627 с.

² Статья была впервые опубликована в “Трудах комиссии по истории знаний”. Л., 1930, № 9.

Уже в российский период П.Г. Виноградов вступил в дискуссию с фундаментальным положением английской медиевистики о том, что германское завоевание Британии не повлекло превращения свободной крестьянской общины (поскольку таковой не существовало) в феодально-зависимую вотчину и что вследствие англосаксонского вторжения появился только поверхностный слой знатных, примкнувших к римскому обществу (с. 16). П.Г. Виноградов, проработавший средневековые архивы западноевропейских стран, обосновывал как раз длительное существование свободной крестьянской общины среди исконных племен Англии, которые утрачивали свободу в существенной мере под воздействием как германского, так и особенно нормандского завоевания. Вследствие последнего свободное и несвободное крестьянство окончательно влилось в одну общую массу виланства, попав в частное подданство к сеньорам. Но феодальная зависимость не была равнозначна ни рабству, ни крепостничеству, поскольку осуществлялась через посредство территориальной власти сеньора, а не собственнических прав на личность крестьянина (с. 18–19). Концепция Виноградова включала оригинальные научные оценки промежуточных разрядов крестьянства, разновидностей манора, другие важные нововведения. По заключению Д.М. Петрушевского, в тот период “среди работ, посвященных английской средневековой деревне и средневековому поместью стран континентальной Европы, едва ли можно назвать хотя бы одну, которая могла бы равняться ... по высоким научным качествам исследованиям Виноградова” (с. 23). Это и пленило Оксфордский университет, распахнувшего свои двери русскому ученому. Ну а в Оксфорде его научное дарование достигло наивысшего расцвета.

В.И. Герье по своему научному весу уступал Виноградову, но его влияние в российской академической общине, общественно-политических кругах было очень большим. Он воспитал целую плеяду выдающихся российских историков, в которую помимо того же Виноградова, входили Н.И. Кареев, Р.Ю. Виппер, М.С. Корелин, С.Ф. Фортунатов. На самого Герье повлияли идеи знаменитого русского историка С.М. Соловьева и еще более именитого немца Л. фон Ранке о примате государства над обществом (заметим, что в России и Германии эти идеи отражали саму историческую реальность. – В.С.). Но в своих научных и общественных воззрениях Герье был отнюдь не консерватором, а скорее консервативным либералом, правда, с нарастающей эволюцией в сторону консерватизма. Его научные интересы были необычайно широки, включая историю Древнего Рима, классическое средневековье, Великую французскую революцию, наконец, современную историю России. Среди оригинальных его концепций – понятно, для своего времени – отметим критику просветительского взгляда на средневековье как на “темные века”, признание глубокой исторической обусловленности и позитивного влияния Великой французской революции. На эволюцию Герье в консервативном направлении повлияли революционные события в России начала XX в. Герье усилил критику французских якобинцев, к которым всегда относился негативно, приравнял к якобинцам российскую партию кадетов, пришел к выводу, опираясь на опыт I и II Государственных Дум, что представителей простонародья лучше к власти не допускать. Статья о Герье привлекает внимание раскрытием неоднозначности этой крупной личности, сбалансированным показом ее “плюсов” и “минусов”.

А.Я. Гуревич добился в мировой медиевистике такого же признания, как и П.Г. Виноградов. Но в своей стране ему чаще доставались “шипы”, а не “розы”. Это была “плата” за талант, уж слишком откровенно не укладывавшийся в рамки советского общественнознания. В портрете, созданном С.И. Лучицкой, А.Я. Гуревич предстает ученым, щедро наделенным природой незаурядным научным талантом. Широта его научных интересов поражает – это английское, скандинавское, французское, в целом все европейское средневековье. А.Я. Гуревич расширял диапазон научного поиска по собственному влечению, но не только. На начальном этапе ему пришлось поменять изучение Англии на византийскую историю по совету академика Е.А. Косминского, который предложил молодому ученому свершить такой маневр в условиях начавшейся борьбы против “космополитизма” и “низкопоклонничества перед Западом”. После-

дующее углубленное изучение А.Я. Гуревичем социально-экономических оснований средневековой цивилизации Европы пресеклось после опубликования им в 1970 г. книги “Проблемы генезиса феодализма” в значительной мере потому, что его концепция вызвала жесткую идеологическую критику со стороны высокопоставленного чиновника, оказавшегося заодно историком-медиевистом. Научный “грех” А.Я. Гуревича заключался в том, что он воспринял феодализм не как историческую универсалию, а высветил его как конкретный исторический феномен, возникший из встречи германской и римской социальных систем (с. 62).

После этого А.Я. Гуревич всецело отдал себя изучению средневековой культуры. При этом он трактовал культуру не так, как это было принято раньше у нас (литература, музыка, архитектура), а как ее определяли и изучали в мировой антропологии и социологии – верования, традиции, установки, ценности коллективного “сознательного” и “бессознательного”. Следуя французскому эталону и с легкой руки Арона Яковлевича, в отечественной историографии, затем в общественном сознании в целом, а сегодня и в обиходе, этот феномен стал обозначаться как *ментальность*. В рамках мировой медиевистики А.Я. Гуревич не был пионером в ее изучении, поскольку она уже активно исследовалась французской школой “Анналов”, а вслед за ней английскими и американскими историками. Но книги А.Я. Гуревича, сначала “Категории средневековой культуры”, а затем и другие, завоевали широкое признание за рубежом, были переведены на иностранные языки. Почему? Тому есть разные причины, а на одну, весьма скромно и деликатно, указал еще сам А.Я. Гуревич: “Историку, изучающему западный средневековый мир, оставаясь в стороне от него, как бы извне, некоторые характерные для этого мира черты рисуются с большей отчетливостью” (с. 64). В отличие от Арона Яковлевича мы можем определить эту причину: наш соотечественник, российский историк, благодаря своему таланту исследовал категории средневековой культуры более глубоко и на гораздо более широком историческом материале, нежели это делали его предшественники в Западной Европе.

В первую группу портретов историков-медиевистов включим также статьи о двух крупных отечественных византинистах – З.В. Удальцовой (1918–1987) и М.Я. Сюзюмове (1893–1982). На мой взгляд, обе статьи можно оценить как эталон историографического портрета: в них даны глубокие и всесторонние характеристики индивидуальностей ученых; показана их мировоззренческая позиция и ее эволюция; оценен научный вклад в медиевистику.

Портрет З.В. Удальцовой принадлежит ее сыну, известному ученому-гуманитарии В.М. Алпатову. Неудивительно, что он всесторонне раскрыл ее личную судьбу и жизненный путь, сообщив детали, которые известны только самым близким к З.В. Удальцовой людям и без которых портрет не приобрел бы присущей ему сочности, колоритности, жизненной правды. Портрет выписан с глубокой симпатией, что объяснимо, но он также разносторонен и объективен, показывает те черты, которые могут быть расценены как “слабости” ученого (например, присутствие “женского” и мировоззренческо-политического начал как в научной, так и в административно-организационной деятельности и предпочтениях Зинаиды Владимировны). Это делает честь автору. Тонко и вместе с тем честно раскрыт определенный дуализм научно-теоретической позиции ученого. Это проявилось с самого начала ее научного пути. В кандидатской диссертации, посвященной борьбе традиционно-православной, турецкой и западной партий в последние десятилетия существования Византии, “симпатии молодой исследовательницы склонялись в сторону западников, связанных с культурой Возрождения” (с. 148). Эта открытость Западу, ее науке и культуре сохранилась у З.В. Удальцовой и в последующем. Вместе с тем она всегда оставалась убежденным и последовательным сторонником исторического материализма, верила в неизбежность его оснований, также как никогда не сомневалась в превосходстве советского строя над всеми другими, в том числе западными.

М.А. Поляковская, автор статьи о М.Я. Сюзюмове и его ученица, последовательно и, на мой взгляд, успешно убеждает читателя в том, во что искренне верит сама:

это был в высшей степени незаурядный человек и талантливый ученый-самородок, сумевший благодаря личностным качествам основать направление, “неофициально называемое *уральской школой византиноведения*”³ (с. 132). Лаконично, но емко и убедительно раскрыт научно-концептуальный вклад ученого. Уже во время защиты кандидатской диссертации, несмотря на оппонирование ему самого А.Н. Неусыхина, он твердо защищал собственную позицию, в которой, в отличие от Неусыхина, признавал преобладание в раннесредневековой цивилизации “романских начал” (с. 136). В его научном вкладе в византиноведение автор статьи выделяет три концепции. Во-первых, это совершенно новая интерпретация византийского иконоборчества, альтернативная взглядам прежде главного авторитета К.Н. Успенского. Точка зрения Сюзюмова впоследствии взяла верх и была включена в трехтомник “История Византии”. Во-вторых, это фундаментальное переосмысление значимости димов, цирковых партий в византийской столице в эпоху Юстиниана I. В-третьих, впервые в византиноведении последовательно отстаиваемый тезис о континуитете, преемственности исторического развития Византии как непосредственной наследницы Римской империи (с. 138).

Обратимся ко второй группе портретов историков-медиевистов. Л.А. Котельникова (1927–1988) предстает как ведущий российский специалист по истории средневековых городов Италии. Она исследовала их в разнообразных аспектах: преемственность с античностью, взаимоотношения с деревней, коммунальные революции и становление независимых городов-государств. Э.Э. Литаврина (1928–2002) внесла научный вклад в изучение средневекового испанского крестьянства, взаимоотношений Испании с латиноамериканскими колониями, а на завершающем этапе научной деятельности являлась ведущим российским специалистом по истории Колумбии. В.С. Люблинский (1903–1968) приобрел известность как специалист по инкунабулам и один из лучших знатоков Вольтера. Судьба этого талантливого ученого, “выдающегося знатока рукописи и книги” (оценка В.И. Рутенбурга), мужа выдающегося историка-медиевиста А.Д. Люблинской, была изломана чередой необоснованных репрессий. Несмотря на самые высокие оценки со стороны Е.В. Тарле, К.Н. Державина, В.И. Рутенбурга, он даже не был допущен к защите научной степени. Т.А. Павлова (1937–2002), ученица М.А. Барга, выросла до ведущего российского специалиста по истории Англии XVII в. Она была первооткрывателем в изучении народной социальной утопии и автором прекрасных биографий английских исторических деятелей, включающих классическую биографию О. Кромвелля. Е.Ч. Скржинская (1894–1981) добилась высокого мастерства в деле изучения и издания исторических источников. Подготовленное ею русское издание исторического труда Иордана может служить примером лучших достижений отечественной науки о европейском Средневековье.

28 портретов историков нового и новейшего времени расположены в алфавитном порядке фамилий персонажей. Мы нарушим этот порядок и разделим статьи и очерки на четыре тематические группы: 1) внешнеполитическая и военная история; 2) история стран Европы; 3) история США и стран Латинской Америки; 4) история стран Азии и Африки.

В первой группе присутствуют портреты двух главных советских исследователей истории международных отношений, академиков А.Л. Нарочницкого (1907–1989) и В.М. Хвостова (1905–1972). Между двумя учеными-международниками были отличия, но более важным, по заключению авторов статьи об А.Л. Нарочницком (В.С. Мясников, Е.А. и Н.А. Нарочницкие, М.И. Светачев), являлось их научно-мировоззренческое единство: “Но внутренне их многое объединяло. Оба не только были энциклопедически образованными, принадлежали к старому культурному слою, но и, по-видимому, обладали родственными мировоззрением, близкими взглядами на судьбы страны, событий, людей. На протяжении многих лет они не часто, но регулярно встречались друг у друга дома и подолгу беседовали наедине. А после смерти В.М. Хвостова в домашнем

³ М.Я. Сюзюмов заведовал кафедрой истории Древнего мира и Средних веков в Уральском государственном университете.

кабинете Нарочницкого рядом с единственной стоявшей там фотографией погибшего брата появилась еще одна – фотография Владимира Михайловича” (с. 355). Оба историка опирались в своих исследованиях на тысячи и тысячи архивных документов из АВПРИ, ЦГВИА, ЦГАВМФ, ЦГИА СССР и оба поспособствовали многотомным публикациям из этой сокровищницы. Оба получили государственное признание после выхода в свет в 1941 г. первого тома “Истории дипломатии”, отмеченного Сталинской премией I степени. Оба достигли высоких академических статусов: А.Л. Нарочницкий являлся главным редактором журнала “Новая и новейшая история” (1962–1974) и директором Института истории СССР (1974–1979), а В.М. Хвостов – академиком-секретарем Отделения истории АН СССР (1971–1972).

Она наиболее целенаправленно и всесторонне изучали международные отношения последней трети XIX–начала XX в. Высшим научным достижением А.Л. Нарочницкого явилась докторская диссертация (2000 стр.!) и монография на тему “Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895”, увидевшая свет в 1956 г. 30 лет после ее выхода в свет, ведущий отечественный специалист по истории Дальнего Востока отмечал, что она осталась “непревзойденной по глубине исследования узловых проблем и актуальности научных результатов”⁴. К высшему научному достижению В.М. Хвостова автор статьи, его дочь К.В. Хвостова, относит написанный им полностью второй том классической трехтомной “Истории дипломатии”. Объемный – в 800 печатных страниц – том был посвящен колониальной политике великих держав 1871–1914 гг. Предельно детализированный подход позволил проследить события международных отношений не только по годам и месяцам, но и по дням. Ответственность за колониальную политику была возложена на все великие державы: “Встречные потоки экспансии – английской, русской, французской, японской и американской – сталкивались друг с другом, и это столкновение приводило к нарастающему противоречию между капиталистическими державами”⁵.

Ведущим военным историком СССР был член-корреспондент АН СССР П.А. Жилин (1913–1987). Авторы посвященного ему очерка (В.П. Зимонин, В.А. Золотарев, С.А. Тюшкевич, Б.П. Уткин) подробно осветили его жизненный путь, особенно завершающий и главный этап, когда он возглавлял Институт военной истории Министерства обороны СССР (1966–1987). Одной из главных тем, исследовавшихся П.А. Жилиным, была полководческая деятельность М.И. Кутузова. Ей он посвятил несколько книг (за первую в 1952 г. удостоен Сталинской премии). Под его руководством подготовлено огромное количество исследований и документальных публикаций о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. При его активном участии были разработаны проекты фундаментальных многотомников – “Великая Отечественная война советского народа” и “Советская военная энциклопедия”. При их обсуждении Президент АН СССР академик А.П. Александров порекомендовал учиться у военных историков организации разработки капитальных трудов (с. 266).

Четыре очерка посвящены известным отечественным историкам-международникам Н.П. Полетика (1896–1988), В.Я. Сиполсу (1923–2002), Д.М. Проэктору (1917–1999), а также “забытому” военному историку А.А. Свечину (1878–1938). А.Б. Давидсон в присущей ему яркой литературной манере раскрыл необычайно драматические перипетии жизненной судьбы Н.П. Полетика, который, как ученый, известен в первую очередь работами о Первой мировой войне. В.Я. Сиполс в очерке, написанном В.В. Соколовым, предстает как плодovitый исследователь узловых дипломатических событий 1930-х–1940-х годов, последовательно рассматривавший эти события с позиций государственных интересов СССР. Главным объектом исследований для Д.М. Проэктора также были истоки и перипетии Второй мировой войны. Ракурс рассмотрения этих проблем и выводы имели как сходство с позицией В.Я. Сиполса, так и отличие.

⁴ Мясников В.С. Выдающийся историк-дальневосточник. – Проблемы Дальнего Востока, 1987, № 1, с. 144.

⁵ История дипломатии, т. 2. М., 1963, с. 189.

Он также считал главным злом, вызвавшим Вторую мировую войну, германский фашизм. Его Д.М. Проэктор развенчивал в многочисленных трудах, делая это хлестко, размашисто, с использованием разнообразных публицистических приемов (на мой взгляд, его анализу не достаёт социологических и политологических инструментариев рассмотрения явления). Вместе с тем, ему присущ принципиальный критический взгляд на внутреннюю и внешнюю политику, стратегические просчеты И.И. Сталина. Как заключает автор очерка о Д.М. Проэкторе, О.Н. Быков, в его анализе “убедительно показывается, что Гитлеру было бы трудно развязать мировую войну, если бы не действия, с одной стороны, английских и французских умиротворителей, а с другой – И.В. Сталина” (с. 439). В очерке Н.И. Дорохова о практически неизвестном сегодня военном историке А.А. Свечине раскрыты разнообразные стороны его драматической судьбы, а его вклад в военную историю выразился главным образом в изучении истории военного искусства в Японии, а также военно-стратегических аспектов русско-японской войны 1904–1905 гг.

В представленных в томе статьях и очерках об историках-европеистах весьма колоритным, на мой взгляд, является портрет Б.Ф. Поршнева (1905–1972). Поражает разнообразие его интересов, а еще больше *масштабность* и *новизна* для отечественной историографии каждого его научного увлечения. Б.Ф. Поршнев был историком-теоретиком и в качестве такового занимал и продолжает занимать лидирующую позицию в отечественной науке. Но он же был и блестящим исследователем неизменно крупных, но в то же время конкретно-исторических проблем европейской истории XVII в., принесших ему не меньшую известность. Его кредо относительно сути историка-профессионала и сегодня у многих и лично у меня вызывает восхищение: “Тот, кто изучает лишь ту или иную точку исторического прошлого или какой-либо ограниченный период времени, – не историк, он знаток старины, и не больше: историк только тот, кто, хотя бы и рассматривал в данный момент под исследовательской лупой частицу истории, всегда мыслит обо всем этом процессе”⁶.

Б.Ф. Поршнев совершил настоящий прорыв в междисциплинарном постижении истории. Он написал книгу, в которой первым раскрыл необходимость и реальные возможности использования социальной психологии в постижении человеческого прошлого. Он разработал политэкономии феодализма, обратился к исторической антропологии при изучении начала человеческой истории. В развитии междисциплинарной методологии поднял планку так высоко, что и сегодня эта высота неподвластна многим историкам. Он был блестящим полемистом, что существенно помогало ему в дискуссиях с теми, кто не желал воспринимать столь радикальных нововведений. Авторы статьи о Б.Ф. Поршневе (О.Т. Вите, А.В. Гордон) весьма полно показывают неоднозначность Бориса Федоровича и как человека, и как ученого (а во многих других статьях такой подход отсутствует, но только он подлинно научен и объективен), но из их изложения и оценок явствует, что недостатки и слабости этого крупного ученого ни на йоту не уменьшают значимости его научных свершений.

В историческом очерке о Г.С. Кучеренко (1932–1997), одном из наиболее известных учеников Б.Ф. Поршнева, подробно рассмотрена его научная биография, названы крупные исторические темы, которые он разрабатывал – история утопического социализма XVIII в., общественная мысль Франции и Англии XIX в. Но, к сожалению, автор очерка не смог показать концептуальной новизны изысканий своего героя. А ведь в биографии ученого именно это главное. А вот А.С. Стыкалин, автор статьи о другом известном историке-европеисте, Т.М. Исламове (1927–2004) сделал это блестяще. Прочитав ее, я впервые по-настоящему осознал, что Тофик Муслимович был не только ведущим исследователем истории Центральной Европы в целом и Австро-Венгерской империи в особенности, но что он был блестящим аналитиком, полно и глубоко раскрывшем разные аспекты взаимоотношений народов и этносов Австро-Венгерской

---

⁶ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 95.

империи, сумевшим, в сравнении с другими исследователями, найти наиболее точный баланс ее *минусов* и *плюсов*. После прочтения статьи очевидно, что знакомство с работами Т.М. Исламова полезно не только для тех, кто интересуется историей Австро-Венгрии, но и для исследователей других империй и многонациональных государств, ибо его работы не могут не породить сравнений, аналогий, подсказать важные теоретические подходы.

Концептуальная новизна работ историка В.Г. Ревуненкова (1911–2004) показана в статье Н.П. Евдокимовой и А.А. Петровой. На рубеже 1960–1970-х годов этот ленинградский профессор, заведующий университетской кафедрой новой и новейшей истории, вызвал огромный интерес отечественных историков разных поколений своими работами о якобинской диктатуре “Марксизм и проблема якобинской диктатуры” (Л., 1966) и “Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции” (Л., 1971), в которых он решительно оспорил почти сакральное положение отечественной исторической науки о том, что эта диктатура являла собою блок революционной буржуазии и санкюлотских масс. Ревуненков в этих и последующих монографиях доказывал, что в якобинский период сложилось двоевластие Конвента и Коммуны, при этом первый защищал интересы революционной буржуазии, а второй отстаивал позиции городского плебса. Московские ученые А.З. Манфред и В.М. Далин решительно выступили против концепции В.Г. Ревуненкова. Так зародилось противоборство двух школ – ленинградской и московской – в изучении якобинской власти, а затем и Французской революции в целом. После этого В.Г. Ревуненков написал много статей и монографий о Парижской Коммуне 1792–1793 гг., Великой Французской революции, Наполеоне Бонапарте, в которых продолжил оспаривать положения московских мэтров. Тот “*сюр д’etat*”, который он совершал в изучении Французской революции, можно, пожалуй, сравнить только с “переворотом”, который произвел другой ленинградский историк, И.Я. Фроянов, но уже в изучении Киевской Руси. Но вот был ли В.Г. Ревуненков столь же убедителен в обосновании собственных позиций, как, скажем, был убедителен в своих исследовательско-аналитических выкладках Т.М. Исламов, в рассматриваемой статье, к сожалению, не показано.

Вровень с В.Г. Ревуненковым в современной исторической науке стоит другой ленинградский профессор – К.Б. Виноградов (1921–2003). Он не был генератором научных сенсаций, но зато, как показано в статье В.В. Сергеева, являлся энциклопедистом и трудоголиком, создавшим большое количество книг по истории разных стран и по разной тематике.

Ряд статей и очерков посвящен историкам-славистам. Очерк о член-корр. РАН В.К. Волкове (1930–2005), принадлежащий К.В. Никифорову и А.Л. Шемякину, показывает его как оригинального исследователя, целеустремленного и энергичного организатора науки, наделенного щедро высокими человеческими качествами. Начав путь в науке как исследователь международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе, он на заключительном этапе был уже признанным авторитетом в изучении региона во всех его аспектах. В 1987 г. В.К. Волков стал первым демократически избранным директором Института славяноведения и балканистики АН СССР и в полной мере оправдал высокое доверие: “благодаря прежде всего усилиям Волкова, его кипучей энергии и веры в справедливость институт в середине 90-х годов не только не был упразднен, но и сохранился как крупный научный центр международного значения” (с. 226).

Крупнейшим отечественным историком-болгаристом, как показано в очерке Е.Л. Вальной и Т.В. Волокитиной, был Л.Б. Валев (1915–1981). Им созданы многочисленные труды по истории этой страны. На протяжении многих лет он также являлся руководителем сектора новейшей истории славянских народов Института славяноведения и балканистики. Под его руководством были подготовлены фундаментальные исследования по истории Чехословакии, Югославии, Польши. Состав сектора менялся, исследовательские задачи расширялись, но при этом сохранялась “атмосфера творческого поиска, свойственная сектору благодаря руководству Л.Б. Валева” (с. 198).

И.С. Миллер (1918–1978), как показано в очерке С.М. Фалькович, на протяжении нескольких десятилетий был душой и “мотором” исторических исследований о Польше. По его инициативе и при его участии была подготовлена в 1950-е годы фундаментальная трехтомная “История Польши”. Он стоял у истоков 25-томной публикации документов и материалов по истории восстания 1863–1864 гг. Совместно с И.С. Нарским подготовил к печати трехтомник избранных произведений польских мыслителей. Научный вклад крупнейшего отечественного специалиста по истории Хорватии В.И. Фрейдзона (1922–2004) раскрыт С.А. Романенко и А.С. Стыкалиным. На протяжении полувека работы в Институте славяноведения и балканистики он изучал практически все аспекты драматической хорватской истории. А в 2001 г. увидела свет его “История Хорватии”, в которой впервые в отечественной науке была представлена целостная концепция истории хорватов как народа и Хорватии как государства.

Несколько исторических портретов посвящено историкам-американистам. А.Ю. Петров охарактеризовал жизненный путь и научный вклад академика Н.Н. Болховитинова (1930–2008). На формирование Н.Н. Болховитинова как ученого большое влияние оказал А.Л. Нарочницкий. После окончания под его руководством аспирантуры молодой ученый в 1956 г. был принят на работу в Архив внешней политики. Погрузившись в подготовку издания многотомной серии документов по истории внешней политики России XIX – начала XX в., он сформировал на долгие годы и свой главный исследовательский интерес – история российско-американских отношений. С 1958 г. и до конца жизни, т.е. 50 лет, Николай Николаевич работал в Институте истории (с 1968 г. – Институте всеобщей истории), подготовив ряд фундаментальных исследований по истории российско-американских отношений, охвативших период от первой трети XVIII в. до 1867 г. Некоторые из них были переведены и изданы в США. Особое место в научных изысканиях Николая Николаевича занимала Русская Америка. Это главное увлечение завершающего этапа его научной деятельности увенчалось в конце 1990-х годов изданием трехтомной “Истории Русской Америки, 1732–1867”, за которую ученый был удостоен Государственной премии Российской Федерации. Н.Н. Болховитинов оставил после себя многочисленную научную школу, которая сегодня занимает одно из ведущих мест в отечественной американистике.

Академик А.А. Фурсенко (1927–2008) отличался разнообразием научных интересов. Авторы очерка (Р.Ш. Ганелин, В.В. Носков, В.Н. Плешков) выделяют среди них шесть основных направлений: 1) международные отношения на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.; 2) нефть и мировая политика того же периода; 3) становление государственности США и ранний период их истории; 4) внутривосточная жизнь США в 1960 – 1970-х годах; 5) кубинский кризис 60-х годов XX в., роль разведки в предотвращении третьей мировой войны; 6) Президиум ЦК КПСС и его деятельность; поздний сталинизм и хрущевский период в политике СССР (с. 556). Авторы подробно характеризуют книги А.А. Фурсенко, привлекая позитивные рецензии как из отечественных, так и зарубежных изданий. Подробно охарактеризована научная школа А.А. Фурсенко, занимающая сегодня ведущую позицию в американистике Санкт-Петербурга. Также подробно освещена его организационно-административная деятельность: Александр Александрович был заместителем по гуманитарным наукам председателя Президиума Ленинградского, затем – Санкт-Петербургского научного центра РАН, с 1996 г. являлся академиком-секретарем Отделения истории и членом Президиума РАН, а в последние годы жизни руководителем Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН.

Р.Ф. Иванов (1925–2003) был одним из самых плодовитых российских американистов. По американской тематике он написал не менее 20 книг. Именно их, как подчеркивают авторы его портрета Б.Д. Козенко и И.И. Курилла, Р.Ф. Иванов считал “самым важным своим делом – в изданных монографиях он исчислял сделанное в жизни” (с. 280). Книги были посвящены разнообразной тематике. На первом месте стояла история Гражданской войны и борьба негров за свои права – около 10 книг, если учесть биографии и документальные публикации. На второе место можно по-

ставить историю Второй мировой войны – не менее пяти книг, включая три варианта биографии Д. Эйзенхауэра. Наконец, третье увлечение Р.Ф. Иванова, также реализованное в монографиях – мафия и ку-клукс-клан в США. Роберт Федорович руководил сектором Института всеобщей истории по написанию Всемирной истории, являлся ответственным редактором последнего 13 тома. Вместе с другими ответственными редакторами он был удостоен Государственной премии СССР.

Б.Д. Козенко (1927–2007) на протяжении нескольких десятилетий являлся ведущим не столичным американистом, не уступавшим по теоретическому уровню и исследовательским проникновениям московским и петербургским корифеям. До 1971 г. его научная деятельность была связана с саратовским, а после с куйбышевским (самарским) университетом, в котором он возглавлял кафедру всеобщей истории. Им было подготовлено несколько монографий (обстоятельно охарактеризованы автором очерка Г.М. Садовой) о крупных социальных и политических проблемах американской истории конца XIX – начала XX вв. В изучении этого периода он стал признанным авторитетом и неизменно привлекался к написанию крупных обобщающих работ по истории США, подготавливавшихся и издававшихся Институтом всеобщей истории Академии наук. Он создал одну из наиболее заметных школ американистики.

В томе помещены исторические портреты двух крупных специалистов по истории Латинской Америки. А.Ф. Шульговский (1926–1991) был мастером крупных историко-политологических разработок и обобщений. Многим ученым, и не только латиноамериканистам, памятна его необычная по канонам советского обществоведения монография 1979 г. “Армия и политика в Латинской Америке”. В ней на конкретных примерах разбирались различные модели поведения военных как в рамках гражданских режимов, так и в условиях их прямого правления – право- и левонационалистических диктатур. Как подчеркивает автор очерка Э.С. Дабагян, “выработанная ученым методология изучения армии позволила в будущем многим его последователям успешно применить ее при анализе ряда локальных конфликтов, например, в Бразилии, Колумбии, Венесуэле” (с. 600). На протяжении многих лет А.Ф. Шульговский руководил большим научным коллективом в Институте Латинской Америки. Им была разработана концепция крупных коллективных трудов, вошедших в золотой фонд отечественной латиноамериканистики. Среди них: “Пролетариат Латинской Америки”, “Сельские трудящиеся Латинской Америки”, “Средние городские слои Латинской Америки”, “Господствующие классы Латинской Америки”. Они стали теоретическим каркасом для последующего изучения важной проблематики на примере уже отдельных стран.

Очерк Е.А. Ларина об А.И. Строганове (1937–2002) написан – не побоюсь этого слова – с любовью. Я знал этого ученого гораздо меньше, но неплохо, и испытывал к нему то же чувство. Скромное, ненавязчивое обаяние этого интеллигента и интеллектуала располагало к нему многих. Кандидатскую диссертацию об Аргентине А.И. Строганов защитил в 28 лет, а докторскую через долгие 32 года. Соглашусь с Е.А. Лариным: Александр Иванович мог защититься гораздо быстрее, его авторитет и высочайший профессионализм не подвергались сомнению, от него ждали гораздо более быстрого восхождения на новую статусную ступень, но “он сам для себя был настолько суровым цензором, что примерка давно заслуженной докторской тоги неизменно откладывалась” (с. 517). А.И. Строганов, совершенно очевидно, измерял сделанное в жизни не количеством написанных книг, а глубиной, всесторонним осмыслением, научной значимостью и убедительностью вышедшего из под его пера. Его уникальной особенностью было осмысление латиноамериканского опыта в контексте всемирно-исторических тенденций и взаимосвязей, вот почему, как верно подчеркнуто автором, его аналитические заключения побуждают к разнообразным аналогиям и сопоставлениям, в том числе и с историческим опытом России. От себя добавлю впечатление от последней книги А.И. Строганова – “Латинская Америка в XX веке”⁷. Только из этой

⁷ *Строганов А.И.* Латинская Америка в XX веке. М., 2002.

книги я смог почерпнуть глубокие и четкие регионально-типологические характеристики Латинской Америки, ясные определения особенностей ее исторических этапов, основополагающих тенденций, причин драматической непреодолимости трудных экономических, социальных и политических проблем.

Пять публикаций тома представляют историков стран Африки и Азии. Две из них принадлежат А.Б. Давидсону. В одной из них с присущими ему научной глубиной и беллетристической яркостью А.Б. Давидсон раскрывает жизненные и научные перипетии организатора и первого директора института Африки И.И. Потехина (1903–1964). Статья проливает яркий свет на академические и особенно около академические нравы 1930–1960-х годов, которые буквально “перемальвали” И.И. Потехина. Он выстоял. Последний абзац статьи звучит как эпитафия, которая дорогого стоит: “Но он верил честно. Не побоялся, чтобы он подличал. Работал как вол. Никого не заставлял работать на себя. Не жил чужими идеями, наоборот, – раздавал свои. Ценил у других знания, труд, талант. Был доброжелателен” (с. 425). Увлекательный очерк о зачинателе африканистики в СССР, авторе первой во всей мировой истории многотомной “Истории Черной Африки” А.А. Шийке (1891–1978). Во второй части очерка мы узнаем, что это не кто иной, как Эндре Шик, известный политический деятель социалистической Венгрии, который с 1957 по 1961 г. был министром иностранных дел этой страны, а затем – председателем Венгерского совета мира. Но до 1945 г. он жил в СССР, работал в системе Коминтерна, “отвечал” за Африку, преподавал ее историю и публиковался под именем А.А. Шийк. В 1945 г. был отозван в Венгрию, но след в отечественной африканистике оставил яркий,

И.С. Даниленко, Т.Н. Загородникова, П.М. Шаститко представляют А.Е. Снесырева (1865–1937) в разнообразных ипостасях: это и блестящий офицер и генерал Российской империи, и участник Гражданской войны на стороне советской власти, и организатор советской военной науки, и, наконец, один из основоположников советской ориенталистики, первый директор созданного в 1921 г. Института востоковедения. Им лично в 1920-е годы было написано несколько научных трудов об Индии. Как и у многих советских ученых той эпохи, жизнь его закончилась трагически: в 1930 г. 65-летний ученый был сослан на Соловки, где с 9 до 15 часов работал сплавщиком леса и грузчиком, а в остальное время с разрешения начальства предавался научно-литературным занятиям. Вернувшись из каторги в 1934 г., этот наделенный от природы недюжинным, но оставленным в Соловках здоровьем человек смог протянуть только три года.

Необычайно насыщенной была жизнь крупного советского востоковеда Г.Л. Бондаревского (1920–2003), о котором рассказано в очерке А.М. Хазанова. Основная часть его научной жизни была связана с Институтом востоковедения. Отличительной особенностью Г.Л. Бондаревского было то, что он воплощал в себе ученого-практика. Создание научных трудов (им опубликовано 27 книг и более 300 статей) неизменно сочеталось в его трудовой деятельности с подготовкой аналитических записок для государственных и партийных органов. При этом интересы его были настолько разнообразны, что практически невозможно выделить среди них главный. Как отмечает А.М. Хазанов, он был для всех, кто знал его, настоящей “школой востоковедения”, живой энциклопедией не только фактов, но и оригинальных идей (с. 188).

Статья об известном исследователе развивающихся стран третьей четверти XX в. В.Л. Тягуненко (1920–1975) принадлежит его вдове Л.В. Тягуненко. Привлекает внимание многозначительная, на мой взгляд, антиномия, заключенная в ее оценке центральной концепции исследований В.Л. Тягуненко, которой тогда придерживались и другие ученые развивающихся стран. С одной стороны, как пишет автор, «с высоты нашего нынешнего возраста и сегодняшнего понимания немало из того, что писал Тягуненко и его друзья-единомышленники об изъятиях и, главное, тупиках капиталистического развития в странах Юга, о корнях, сущности и, главное, перспективах “некапиталистического пути”, о закономерностях перерастания антиколониальных и антиимпериалистических революций в социалистические и т.д. – выглядит как под-

мена действительного желаемым» (с. 531). С другой стороны, «события последнего десятилетия – будь то последствия неолиберального курса и нынешний кризис его гегемонии, феномен “имперский проект”, развитие событий в Латинской Америке, включая воскрешение в обновленном виде концепции “некапиталистического развития” (Венесуэла), говорят, что не только многие “диагнозы”, но и некоторые “рецепты” не сданы в архив» (с. 532). Этот “разворот” мировой истории в 2000-е годы, реанимация противоречий и конфликтов, которые “ушли под воду” в предшествующее десятилетие триумфа неолиберализма и неоконсерватизма, на мой взгляд, свидетельствуют, что “шапкозакидательская” критика многими нашими обществоведами 1990-х годов “догм” и “конъюнктуры” советского обществознания сама была в значительной мере конъюнктурной, “выплескивала с водой ребенка”, демонстрировала недопустимое для науки нежелание отделять в предшествующем знании “зерна от плевел”.

Подведем итог. Пятый том “Портретов историков” серьезно расширяет и углубляет наши знания об отечественной исторической науке, ее ведущих представителях. Не все его материалы равнозначны: в одних, наряду с характеристикой жизненных вех и перипетий ученого, полнокровно проанализирован его научный вклад, в других рассмотрение научных исследований носит описательный характер. Некоторые носят чрезмерно комплиментарный характер, подчас напоминают парадные портреты. Но в целом биографические портреты историков выписаны добросовестно и жизненно, объективно показывают представителей разных школ и поколений отечественной историографии.